

Василий СТАТИ

МЕЖДУ РУССКИМИ И РУМЫНАМИ

Степень информированности современного общества обратно пропорциональна разнообразию, всё усиливающейся мощности везде проникающих средств коммуникации. Молдова уже 22 года живёт в условиях доминирующей рефлексии. Уже 22 года мы являемся жертвами или подопытными существами жестко управляемого потока информации и административно навязанной концепции румынской исключительности, наукообразной по форме, лживой и безграмотной по сути.

С 1990 г. молдавское многонациональное общество, прежде всего подрастающее поколение, живет и учится под недремлющим оком новой «старшей сестры», самозванной «мессии-матери», под колпаком выдуманных представлений, тщательно подобранных и иезуитски извращенных фактов и явлений, в постоянно инжестируемых кисло-молочной западной перспективе и чёрно-угрожающих напастях с Востока. Вся эта идеологическая стряпня с нескрываемой экспансионистской направленностью муссируется, тиражируется, распространяется по волнам и эфиру круглосуточно, вдалбливается молдавскому обществу административно - от детских яслей до Академии наук.

Что знает наше общество об истории Молдовы, об истории молдавско-русских отношений? То, что нам денно и ночью навязывают, а именно избирательно отобранные, тщательно смонтированные по строго определенным политическим лекалам идеологические суррогаты, массивно распространяемые мощным пропагандистским ретранслятором. В сущности нам навязывают не подлинную историю Молдовы, а ту, которую препарировали зарубежные заказчики.

Например, румынские политики и публицисты везде постоянно кричат: «Basarabia – rămint românesc!» (Бессарабия – румынская земля!). Эту ложь ещё в 1912 г. убедительно отверг патриарх румынских историков.

Доклад был зачитан на международной научной конференции «Присоединение Бессарабии к России в свете многовекового молдо-российско-украинского сотрудничества» (Кишинев, 1-5 апреля 2012 г.).

16 мая 1912 г. в своей речи, посвященной «памяти потери Бессарабии», Н.Йорга публично признал то, что известно всему миру: «Basarabia nu-i a noastră!» (Бессарабия не наша!). Историк спрашивал себя и аудиторию: «Есть в этом какое-либо унижение? Воевали ли мы, были ли мы побеждены, отобрали ли у нас часть страны по какому-то договору, который мы заключили, подписали и на котором клялись?». И далее объясняет: «Мы не должны склонять головы в память о разделе 1812 г. Мы, румынский народ, Румыния не существовали... Никто (тогда, в 1812 г.) не думал, что какая-то Румыния была бы возможной. (Nu se gădea nimeni că o Românie ar fi fost cu putință)... Ни одна душа не вступила в отчаянную борьбу, к которой мы могли бы сегодня направить нашу признательность... Сегодня, – печалился румынский историк, – когда мы нуждаемся хотя бы в одном герое, во имя которого могли бы праздновать, которого прославляли бы, такого героя не находим, его отсутствие особенно болезненно... Сегодня не нашлось ни одного имени, достойного того 1812 г.».

Напрасно сокрушался Н. Йорга: несуществовавшая Румыния не могла иметь героев. А у Молдовы было немало своих героев 1812 г. «Известно, что в русских войсках воевало много молдаван, а к концу XVIII в. были даже отдельные молдавские части с национальными командирами», «Молдавские воины, подлинные крестоносцы, вписали героические страницы в историю русско-турецких войн, в результате которых Молдавия была освобождена», - читаем мы в документах. Среди героев-молдаван, сражавшихся за освобождение Молдовы в 1812 г., особо отличились майор Визирян и подпоручик Баркару, реляции о подвигах которых хранятся в архивах Российской армии.

Следует отметить, что в поразительной по своему объему румынской историографии можно встретить - правда, очень редко - и основанные на документах страницы о роли России в этой части Европы, о русско-молдавских отношениях вообще, о русско-валашских связях в частности, написанные с теплотой и признательностью. Несколько лет назад румынский русовед Арманд Госсу напоминал своим собратьям, что сборники документов, молдавские грамоты, хрисовы митрополии содержат тысячи обращений, писем, воззваний молдавских господарей, духовных лиц, бояр к московским царям, императорам с просьбой освободить молдавский народ, взять Молдову под покровительство России. Подобных актов очень много, а их содержание очень откровенно и искренне. Напомним лишь некоторые, исключительные по своей значимости свидетельства.

Днестровско-Прутская Молдова вошла в состав России не в 1812 г. Де-факто Восточная Молдова, как называл эту территорию Н. Йорга, находилась под покровительством Российской державы с

декабря 1806 г. Но и раньше, хотя и с перерывами, вся историческая Молдова жила в составе России. В период с конца XVIII до начала XIX в. для нее большое значение имели русско-турецкие войны, которые привели к ослаблению экономического и политического гнета Оттоманской Порты, укрепили общение молдаван с русским народом, что способствовало ощутимому оживлению и обновлению общественно-культурной жизни страны. Имея в виду именно период с 1768 по 1812 гг., охвативший три русско-турецкие войны, Н. Йорга констатировал: «Молдова прожила почти половину этой эпохи под управлением диванов (государственных советов), руководимых и контролируемых русскими командующими, под влиянием идей и чувств, которыми были воодушевлены русские в это время. Тем самым мы можем утверждать, что Молдова на протяжении двадцати лет из пятидесяти состояла в государстве, политическое устройство которого, культурная ориентация, материальные и духовные проявления были европейскими».

Действительно, русское влияние в Молдове того времени было важно не только само по себе, но и в качестве проводника передовой европейской мысли, особенно просветительских концепций, под знаменем которых разворачивалась тогда непримиримая борьба со средневековым обскурантизмом.

Кстати, не только Молдова и Валахия обращались за помощью и поддержкой к России. В 1917 г., когда Румынское королевство в очередной раз находилось на пороге краха, руководство этой страны попросило Россию приютить десятки тысяч своих раненых, депутатов парламента и членов Кассационного суда. Именно в том году, ставшим трагическим для Румынии, в Яссах вышла самая искренняя, основанная на документах, написанная с теплотой и признательностью монография «*Les relations des russo-roumains*» Н. Йорги. В этой книге историк пишет, что, когда Молдова уже два года находилась под покровительством русской армии, «28 августа 1808 г. бояре обратились с просьбой присоединить Молдову к России, как это было сделано в отношении Имеретии и Грузии».

Успехи русской армии в войнах с османами всегда воспринимались молдаванами как победы Добра над Злом, как торжество православия, и поэтому всё молдавское общество идентифицировало себя с этой политикой. Об этом государственный совет Молдовы с признательностью и благодарностью оповещал императорский двор России: «Făcîndu-să, mai întîi în oraşul Eşii cunoscută Pacea de la Bucureşti s-au împlut de negrăită bucurie sufletele celor adevăraţi şi credincioşi patrioţi ai Moldovei pentru această nonă încununare a slavei Rosiei Pravoslavnice şi apărătoarei împărăţiei cu mărima hotarelor

împărăției sale... Din tot sufletul pământul Moldovei strigă către ceriu, ca să arăte nebiruite și proslăvite armele cele credincioase și mîntuitoare ale împărăteștii mării a Rusiei spre bucurie și veselie a credincioșilor pravoslavnicî».

Благотворные последствия освободительной миссии русской армии в 1812 г. подчеркивали не только молдавский народ и государственный совет Молдовы, но и современные молдавские авторы, скоростижно ставшие румынами. Известные молдавские языковеды академик Сильвиу Бережан и доктор филологических наук Василе Бахнару в 1987 г. восторженно отмечали значение военно-стратегических побед русских армий в развитии и обогащении молдавской терминологии. «Самое существенное, что определяет лексику молдавского литературного языка начала прошлого XIX столетия - это проникновение в него неологизмов. Такой путь развития обуславливался прекращением фанариотского господства в Молдавии, а также возрастающей ролью России в мире вообще и на Балканах в частности. Известно также положительное влияние присутствия в Молдавии русских войск, которое во многом способствовало политическому, экономическому и культурному развитию края».

О благотворной роли русских армий в Молдавии писал и известный молдавский историк, государственный деятель, академик Михаил Когэлничану. Значение длительного пребывания русских войск и плодотворной деятельности русских администраций в Молдавии он объяснял тем, что и в армии, и в управленческих структурах было «много великих мужей, поднявшихся из низов до самых высоких чинов; они прорвали завесу предрассудков, скрывавшую от нас цивилизацию Европы, и приблизили нас - прежде всего Восточную Молдову - к справедливости и либеральным целям Запада».

В самом деле, после 1812 г. Западная, или, как назвал её Н. Йорга, Турецкая Молдова до 1877 г. оставалась османской колонией, во многом с феодальным способом ведения хозяйства, с феодально-колониальной системой политико-административного управления. Разница, особенно после внедрения в 1818 г. *Устава образования Бессарабской области*, между Западной Молдовой и Восточной, отошедшей к России, Молдовой была столь очевидной, что уже в 1822 г. подвигло молдавских младореволюционеров во главе с Ионикэ Тэутулом на создание первого *проекта Конституции Молдавии* из 77 статей. В своем *Воззвании к народу Молдовы* Ионикэ Тэутул требовал реформировать принципы управления Запрутской Молдовы по образцу положений *Устава образования Бессарабской области*, фактически и юридически - первой конституции автономной

Днестровско-Прутской Молдовы. Ионикэ Тэутул приветствовал социальное и материальное положение восточнопрутских молдаван, которое было гораздо выше, чем в Турецкой Молдове.

Тем не менее о трагическом разделении исторической Молдовы, о тяжелой судьбе молдаван под русским господством, об их русификации после 1918 г., а особенно после 1990 г., опубликованы вагоны крикливо-пропагандистской писанины, в которой замалчиваются или намеренно искажаются многочисленные реальные, строго документированные факты, обобщения, заключения. На это постыдное явление указал ещё в 1931 г., в разгар румынской оккупации, самый объективный историк молдавской церкви - священник Н. Поповский. «Общеизвестно, - отмечал он с горечью, - что относительно прошлого Бессарабии под русским господством циркулируют у нас, как в общественном мнении, так и в печати и даже в научных работах, много неверных измышлений. Об этом явлении было написано и раньше. Полагаем, что пришло время избавиться от подобных явлений, тем более от тех, которые удостоверяются документами и о которых можем рассуждать без гнева и пристрастий, иначе не сможем познавать прошлое в его действительности».

Стремясь воссоздать реальную картину прошлого Молдовы в составе России, приведем ещё несколько фактов. Оспаривая заявления о том, что молдаване якобы круглосуточно жаждали «унири» с Румынским королевством, молдавский историк И. Цуркану приводит суждения просвещенных людей, проживавших в то время среди бессарабцев. «Проживание в Бессарабии и человеческая жизнь вообще под царской оккупацией были, с точки зрения материальной и экономической, легкими и процветающими, при большой свободе и полной личной безопасности для всех, кто не поддавались иррединтизму или другим социальным и политическим движениям», - писал митрополит Бессарабии унионист Гурий в 1937 г. То же самое утверждал в 1920 г. с трибуны румынского парламента убежденный поборник унионизма Ион Пеливан.

Беседуя с дедом Штефаном из Сорок во время своего путешествия по Бессарабии в 1919 г., Михаил Садовяну приводит суждения этого непоколебимого молдаванина: «Я спросил его о новом режиме Бессарабии.

- Что вам сказать? Было довольно хорошо и во время русских. Был достаток, и никто нас не беспокоил. Ныне (под румынами) времена более тяжелые...»

Жизнь местных жителей в составе России была такой, что даже спустя шесть лет румынской оккупации молдаване надеялись на возвращение старого доброго русского императора. Румынский

агент в Бессарабии, сторонник «унири» Онисифор Гибу в 1923 г. вновь посетил места своей агентурной деятельности. Однажды он беседовал с 78-летним дедом Василе, «человеком очевидной природной мудрости» из оргеевского села. Дед Василе спросил румынских гостей:

« - Ce se mai aude? Mai este nădejde să vie un împărat bun, ori rămîne ista di pisti Prut?

Cercăm să-l liniștim pe moș Vasile: de-amu cu Împaratul s-o mîntuit. De asemenea și cu Rusia. De-amu sîntem uniți cu românii.

-Da românii cu care ne-am unit, – zic eu, – cum îs, moș Vasile?

-Da cum să hie, – răspunde moșul. – Îs mai răi decît turcii.

-Dar, bine, moș Vasile, cum poți să zici că-s mai răi decît turcii? Ei sînt doar frați cu noi!

-Ei frați! Pîină au ce-ți lua. Iau și chelea de pe om.

-Dar, - zic eu, - nu vorbesc și ei ca noi, moldovenește, nu?

Moș Vasile îmitaie vorba:

-Nu, domnule, vorbesc chiar țigănește...».

(« – Что слышно? Есть ещё надежда, что придет добрый император, или останется этот запрутский?)

Пытаемся успокоить моша Василе: уже с императором покончили. Как и с Россией. Мы уже объединены с румынами.

-А румыны, с которыми объединились, – говорю я, – какие они, мош (принятое обращение к пожилым людям. - В.С.) Василе?

-А какими им быть? – отвечает мош Василе. – Они хуже турок.

-Да ладно, мош Василе, как можно говорить, что они хуже турок? Они ведь братья с нами.

-Ну да, братья! Пока есть что грабить. Берут и шкуру с человека.

-Но, - говорю я, - разве не говорят они, как и мы, по-молдавски?

Мош Василе сказал – как отрезал:

-Нет, домнуле (господин. - В.С.), говорят точно по-цыгански...».)

В этой краткой информации, записанной и опубликованной румынским политическим агентом в 1923 г., передана, на наш взгляд, суть отношений молдавского народа к российскому периоду его жизни с 1812 по 1918 г. и к румынскому периоду оккупации после 1918 г.

Русский правовой режим, отношение русских властей к повседневной жизни, к верованиям молдаван были более чем либеральными. Представители русской власти не обзывали молдаван «румынами» или «русняками», не запрещали их обряды, свершение богослужения на молдавском языке. Как отмечал румынский историк, директор архивов Бессарабии Леон Бога, это способствовало тому, что, «если в политическом и религиозном отношении прудо-

днестровские молдаване направляли свои надежды на спасение к России и к её монарху, то сознание, что вся историческая Молдова является их единой Родиной, что они составляют особый народ с собственным языком, проявилось с особой силой. Это было видно и до Бухарестского мира, но особенно после того, как Прут стал границей».

В соответствии со старыми добрыми традициями Молдова продолжала жить по своим особым правилам. Независимо от обстоятельств прудо-днестровские молдаване ни на миг не переставали чувствовать себя сыновьями своей родины - Молдовы. И русские им не мешали.

В течение всего периода пребывания в составе России молдаване жили и судились по своим традиционным законам. В последний раз сборники молдавских законов издавались в Петербурге в 1904 и 1908 гг. Таким образом, в памяти потомков и будущих поколений навсегда останутся свидетельства времени, подтверждающие, что у оставшихся в Пруто-Днестровской Молдове сохранилось светлое сознание единой родины – Молдовы, единого народа – молдавского и языка молдавского. Леон Бора в 1932 г. писал: «Din mărturiile vremii rezultă că la cei rămași în Moldova dintre Prut și Nistru exista luminoasă conștiința unei patrii – Moldova, a unui norod – moldovenesc, a unei nații – moldovenești, a unui neam – moldovenesc și, mai presus de toate – a unei limbi moldovenești!».

Подписка 2012

На международный исторический журнал

Русьини

объявлена подписка в Республике Молдова

Журнал выходит четыре раза в год

**Подписаться на журнал можно в любом отделении связи
Республики Молдова**

**Отдельные номера журнала можно приобрести
в Общественной ассоциации «Русь»
(тел. для справок (+373 22) 28-75-59)**